

Соседка

Марат Хасанович Валеев

Соседка (сборник)

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12257281
Соседка: Союз писателей; Новокузнецк; 2015*

Аннотация

Предлагаем вам, друзья, окунуться в атмосферу стремительно развивающегося любовного сумасшествия, происходящего под стук вагонных колес в увлекательном рассказе «Краткосрочный роман». Не менее захватывающие и где-то даже поучительное приключение ожидает вас в рассказе, давшем название этому сборнику – «Соседка»; не разочаруетесь вы и в других произведениях представленной книги, пропитанной ароматом легкого флирта и доброго юмора, присущего многим рассказам Марата Валеева, победителя и лауреата многих литературных конкурсов.

Содержание

Рекомендую читать Валеева. Софья Баюн	5
Соседка	7
Роман с Юриком	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марат Валеев

Соседка

Рассказы о любовных приключениях

Рекомендую читать Валеева. Софья Баюн

Лет пять-семь назад для меня, запойного читателя, настали трудные времена. Я приходила в книжный магазин, перебирала одну за другой книги в разделе «Современная проза» и уходила из магазина, как правило, с пустыми руками. То, что предлагали читателям издательства, читать было невозможно. И даже книги, стоявшие под табличками «бестселлер», или даже круче, «мировой бестселлер» вызывали лишь, мягко говоря, недоумение. Пробовала я руководствоваться авторитетным мнением и приобретала книги, победившие в литературных конкурсах, вроде «Русского букара» или «Триумфа», но и они, чаще всего, годились только в качестве снотворного. Так маялась я до той поры, пока не открыла для себя сетевую литературу. Оказалось, не перевелись в нашей стране таланты! В сети я и познакомилась с творчеством Марата Валеева.

Читала его произведения всегда с неизменным удовольствием. Блестящий рассказчик, прекрасно владеющий языком, добрый и остроумный человек – таким он мне виделся за своими текстами. Но мужская суть его, уж простите меня, Марат, за прочитанным мне была не видна. Такой себе общечеловек. И это нормально, меня как читателя это ничуть

не смущало. Сегодня открыла Марата для себя с другой стороны. И мне это открытие очень понравилось.

Вообще, писать в жанре эротической прозы невероятно сложно, на мой взгляд. Всегда есть риск перейти некую условную грань, отделяющую описание физической стороны бытия, знакомой каждому взрослому человеку, от заведомой пошлости и грубости, низводящей человека до животного уровня. Большая часть текстов, публикующихся в разделе «эротика», к сожалению, находятся за гранью и являются по сути литературной порнографией. Марату, несмотря на откровенность рассказов, удалось эту грань не перейти.

А ещё мне, женщине, было очень интересно посмотреть на физическую сторону жизни мужскими глазами. Ведь смоделировать, представить мужские переживания невозможно. Для нас, женщин, это терра инкогнита. Марат позволил в этот чуждый мне мир немного заглянуть.

Ну и, конечно, фирменный признак Валеева-автора, его неповторимый юмор, не последнее достоинство книги.

Вывод один – рекомендую к прочтению. Книга того заслуживает.

Софья Баюн.

Соседка

Ее звали Тома. Она жила этажом ниже, с мужем и малолетним пацаном. Петр Тимохин тоже не один, с женой и дочерью. Но уж так устроен мужик, что одной бабы ему всегда мало, и он всегда косится на сторону.

На эту тему существует целая научная теория. Если популярно, то мужик как самец просто обязан осеменять как можно большее число самок, чтобы поддерживать свою популяцию. Петр подозревал, что эту теорию в свое оправдание разработал какой-то ученый блядун. Но многим мужикам она нравится. И Петру в том числе.

Он косился на соседку Тому. А там было на что коситься. Рыженькая, зеленоглазая, стройненькая, с миловидным личиком. А ножки! С ума сойти, какие у нее были ножки! Беленькие, гладенькие, с идеально круглыми коленками.

Тома знала убойную силу красоты своих ножек, и умело их подавала. Все ее платья, юбки, куртки и даже шубки были сантиметров на десять выше коленок. А колготки, чулки были только заманчивого телесного цвета. И когда она шла, грациозно покачиваясь и сверкая своими чудными коленками, глаз от этого зрелища было просто не оторвать. Любимой ее обувью были красные сапожки на аккуратных невысоких каблучках. И в этих сапожках Тамара выглядела совершенно неотразимой!

Она, чертовка, знала, что Петр не упускает возможности полюбоваться ею, ее фигуркой, пленительными ножками. И всегда лукаво улыбалась, когда проходило мимо, слегка потупив свои зеленые глаза.

Тимохину было чуть за тридцать, ей лет двадцать пять. Кровь волновалась в обоих, взаимная симпатия все увеличивалась и явно грозила перерасти из безвинного пока состояния в нечто предосудительное. Ну да, у Тома был муж, у Петра жена. И законы моральной устойчивости и супружеской верности никто не отменял. Но человек, увы, слаб, и рано или поздно поддается искушению. Особенно если оно, это искушение, ходит рядом и сверкает такими чудными колечками.

А сложившая коллизия разворачивалась таким образом, что их буквально толкало друг к другу. Тамара сидела дома с годовалым пацаном. На жизнь им зарабатывал ее муж, угрюмый и нелюдимый парень, ни с кем в подъезде не водивший знакомство и имени которого Петр до сих пор не знал, хотя в одном доме они жили уже не один год.

Петр тоже частенько оставался дома один – он числился фотокорреспондентом в районной газете, и поскольку фотолаборатории в редакции не было, снимки для газеты делал у себя на кухне, плотно задрапировав окно одеялом (надеюсь, читатель уже уяснил, что описываемое событие относится к тому времени, когда цифровых фотоаппаратов еще не было).

И вот однажды, когда Тимохин с утра остался проявлять

и печатать снимки из очередной своей поездки в совхоз, в дверь квартиры позвонили.

Петр чертыхнулся и пошел открывать дверь. И опешил, увидев на пороге объект своих вожделений. Тома была в тапочках с помпонами, в коротеньком, да еще незастегнутом на последнюю пуговицу, халатике.

Тамара выглядела слегка смущенной, легкий румянец окрасил ее обычно матовые щеки.

– Жена твоя дома? – спросила Тамара, глядя на Петра снизу вверх своими зелеными русалочьими глазами. – А я соды пришла у вас занять...

И только тут Петр увидел в ее руках фаянсовую кружку. Но в глазах Тамары Петр прочел совсем другое. И сода тут была вовсе ни при чем. Не отводя своего взгляда от Тома, Петр молча обхватил ее тонкую талию и рывком притянул к себе.

Молодая женщина тихо ойкнула и, несильно стукнув Петра зажатой в руке кружкой по спине, тоже обняла его и запрокинула голову, приоткрыв зовущие губы. Петр тут же впился своими губами в ее яркогубый маленький рот.

А потом, не совладав с собой, подхватил Тому на руки, намереваясь тут же отнести ее к дивану в гостиной.

– Нет, нет, не сейчас! – задыхающимся голосом запротестовала Тамара. – Сын дома один остался. Если сможешь, зайди вечером. Или завтра днем. У меня Николай позавчера уехал на сессию.

Ага, значит, этого вечно угрюмого везунчика (такую жену себе отхватил!) зовут Николаем. И что она в нем нашла?

– А где он у тебя учится? – глупо улыбаясь от охватившего его счастья – такая женщина, мечта его последних дней, сама падает ему в руки! – спросил Тимохин. – И надолго уехал?

– В Иваново, заочник он, – заговорщицким тоном сообщила Тома. – На целый месяц.

На целый месяц! У Петра даже дыхание перехватило от возбуждения. Вот это да! Целый месяц в его распоряжении. И Тома. Это, ему понятно, будет их месяц, иначе зачем бы она сказала об этом Петру. Хотя не месяц – два дня, с учетом сегодняшнего, уже теряются. А если прямо сейчас занырнуть к ней?

– Сейчас не получится, – улыбнувшись и снова прижавшись к Петру, предугадала его желание Тома. – Свекруха вот-вот должна подойти, звонила уже. Так что только вечером. Или завтра днем. Ну, ладно, я пошла.

Она помахала на прощание пустой кружкой и повернулась к выходу.

– Постой, а соду-то ты не взяла! – спохватился Петр.

– Дурачок! – засмеялась Тома, и прикрыла за собой дверь. Послышался легкий шорох ее удаляющихся шагов.

Целый день Тимохин был как на иголках, от не оставляющего его волнения запарол кучу фотобумаги – то передержит, то не додержит. После обеда он повез фотографии в редакцию, и все пятнадцать минут, пока шестой маршрут плел-

ся до его остановки, думал о Томе и капал слюной.

– А текстовки к ним кто будет писать? – сердито спросил редактор, когда Петр, положив пачку фотографий на его стол, хотел было тут же улизнуть.

– Так мы же с Каретовым ездили, пусть он и напишет, – недовольно сказал Тимохин. – Он сам говорил, что у него будет штук пять зарисовок и пара репортажей с этими фотографиями.

– Нету Каретова, – хмуро сказал редактор. – Вы, случайно, не квасили в совхозе?

– Ну, было чуть-чуть, – признался Тимохин. Он уже догадывался, в чем дело – наверняка завсельхозотделом Каретов, когда они поздно вечером вернулись в город на редакционном уазике, пошел «догоняться», а сегодня вот не вышел на работу.

– Выгоню его когда-нибудь, к чертовой матери! – чертыхнулся редактор. – Ладно, давай так: ты мне даешь в этот номер хотя бы два-три снимка с развернутыми, строк по сорок, текстовками, а я тебе за это двойной гонорар. Идет? Каретова теперь дня три не будет, сам знаешь.

– Ладно, – с неохотой согласился Тимохин. – Но напишу я их дома.

– Но чтобы с утра как штык!

– А то! – весело сказал Петр.

Дома, после того, как они всем своим небольшим семейством посмотрели очередную серию «Семнадцать мгнове-

ний семьи» – девятилетней дочери Настеньке это тоже разрешалось, при условии выполненных уроков, и настала пора укладываться спать, Николай сказал, что еще поработает.

В их малогабаритной двушке рабочего кабинета у Петра, конечно, не было – в зале спала дочь, в спальне, естественно, сами родители, и жена Лена привыкла уже к тому, что муж использовал под кабинет кухню.

Здесь он делал фотографии, читал, писал – Петр хоть и был всего лишь фотографом, но никогда не упускал возможности подзаработать и на текстах, в которых их маленькая, но очень прожорливая трехразовая газета всегда остро нуждалась. А покурить спускался на улицу или же дымил в подъезде, в зависимости от времени года.

Лена, уже привыкшая к такому распорядку, да и к тому, что Петр как муж в последнее время к ней несколько охладел – нет, любить и уважать ее как мать своего ребенка он не перестал, просто в их отношениях поубавилось пылкости, – спокойно отправилась в спальню одна.

Петр положил перед собой на столе стопку писчей бумаги, раскрыл блокнот с последними записями, и начал писать развернутую текстовку – как и просил редактор, – к первому снимку. Это был мастер-наладчик из тракторно-полеводческой бригады по фамилии Букашкин.

В любое другое время он бы еще раз просмеялся над этой забавной фамилией, тем более, что носитель ее был здоровенным, под два метра, мужиком с пудовыми кулаками, ни-

как не похожим на букашку, и гаечный ключ, с которым он сурово позировал, в его кулаке был похож на игрушечный.

Но из головы Петра не шло видение: там, внизу, как раз под его квартирой, разгуливает сейчас в коротеньком халатике, обнажающем стройные, немного полноватые ножки, или уже лежит в постели, разбросав эти самые ножки, и возможно, думает о нем эта чертовка Тамара. И Петр, отгоняя эту соблазнительную картинку, тряс головой и кусал губы.

После долгих творческих мук, перебиваемых настырными эротическими видениями, он все же написал одно предложение: «Афанасия Букашкина, мастера-наладчика второй тракторно-полеводческой бригады совхоза «Путь Ильича», не зря называют «мастер золотые руки». И пошел курить.

Выйдя в подъезд он, как был в тапочках, спустился на первый этаж, задержался на секунду у обитой кожей двери Тамары и, оглянувшись по сторонам, припал к ней ухом, задержал дыхание. Из-за двери слышалось негромкое бормотание телевизора.

«Не спит!» – взволнованно подумал Петр, поднес было палец к кнопке звонка, но тут же отдернул его. Сбежал вниз, сел на лавочку у подъезда и трясущимися руками воткнул в рот сигарету, прикурил, ломая спички.

«Идти сегодня к Томе, не идти? – лихорадочно размышлял он. – Ах, как хочется!.. Но ведь так и попасться недолго. А вдруг Лена или дочь проснутся – в туалет там, водички попить, а меня нет на кухне. Хотя они обе знают, что он ходит

курить в подъезд – не лезть же каждый раз в спальню, откуда и был выход на единственный балкон... Нет, так дела не делаются. Надо будет или командировку придумать на пару деньков, или просто остаться дома – фотографии делать, и прошмыгнуть к Томе средь бела дня...»

Вот, блин, проблема-то свалилась неожиданная на его голову. Но отказываться от соседки, самой выбравшей его для романтических отношений, вовсе не хотелось.

Так ничего не решив и выкурив две сигареты подряд, Петр поднялся к себе. Дома было тихо, жена и дочь продолжали дрыхнуть – одна в супружеской постели, другая на диване в гостиной.

Петр снова уселся за стол, принялся за второе предложение текстовки к фотографии этого мордоворота Афанасия Букашкина: «За что бы он ни взялся этот мастер, все горит в его руках...».

Редактор наверняка поморщится и вычеркнет эту строчку. Ну и ладно, на то он и редактор. Интересно, а что он напишет взамен? Хотя куда интереснее, что сейчас делает Томочка. Продолжает его ждать у вполголоса бормочущего телевизора, или уже заснула?

Петр поглядел на наручные часы – пошел уже первый час ночи. А ведь точно заснет без него! Может, рискнуть, а? Вон же, выходил покурить, как обычно он всегда делает, когда работает ночами, никто из домочадцев и не ворохнулся, привыкли уже...

А коварное распаленное воображение между тем продолжало рисовать перед ним картинки, главными персонажами которых были он и соблазнительная соседка Тома. Да такие красочные и недвусмысленные, что Петра прямо за столом настигла мучительная и устойчивая эрекция. Эта мука становилась уже невыносимой и требовала немедленной разрядки.

И Петр, так и не взявшись за третье предложение, решительно отложил ручку в сторону, затолкал в карман спортивных штанов сигареты и спички, и снова пошел – как бы курить. «Минут за пятнадцать-двадцать управлюсь, – лихорадочно думал он, крадучись спускаясь по лестнице. – Для первого раза достаточно. А там поглядим...»

Он нажал на кнопку звонка у знакомой двери. И она почти тут же бесшумно распахнулась – Тома как будто все это время стояла в прихожей и ждала Петра.

Выглянув за дверь и, быстро осмотревшись по сторонам, она схватила Петра за рубашку и втащила его в прихожую, захлопнула за ним дверь. Тут же закинула ему теплые оголенные руки на шею, привстала на цыпочки и, прижавшись упругой теплой грудью с неожиданно твердыми сосками, впилась в губы. От нее исходил кружащий голову аромат – видимо, надушилась чем-то импортным. Во всяком случае, Ленка так одуряюще никогда не пахла.

Не прекращая целоваться, они мелкими шажками просеменили в гостиную и упали на раздвинутый диван (Петр

успел самодовольно про себя отметить – «ждала таки!»). И только он навалился на Тому, как даже через шум в ушах от пульсирующей возбужденной крови расслышал шлепки босых ног там, наверху, в своей квартире.

Петр обмер: неужели дочь проснулась и пошла в туалет? Сейчас обнаружит, что на кухне свет горит, а его нет, и пойдет, разбудит мать. Хотя какая ей разница, на кухне он или нет? Может, просто забыл выключить свет, и ушел спать к матери... А если это не дочь бродит, а жена проснулась, а его нет? Выглянет в прихожую, а его и там нет...

– Ну, ты чего? – недовольно спросила Тома.

– Да так, ничего, вроде слышалось, – отдуваясь, прошептал Петр.

– Э, да у тебя и правда ничего, – разочарованно протянула Тома, почувствовав сникшее настроение Петра. – Ты чего напугался, дурачок? Никто сюда не зайдет, не бойся. Ну, ну, давай... Чего ты?

Но Петру «давать» было нечем. Тогда раззадоренная и не желающая оставаться ни с чем, Тамара взяла инициативу в свои руки.

Петр сгорал от стыда, но не противился стараниям Тома, тем более, что ему это было приятно, даже очень. Наконец, он воспрянул духом и плотью и был готов вознаградить Тамару, но тут послышался приглушенный детский плач из спальни. И как ни пытался распалившийся Петр удержать Тому, та вырвалась и убежала к разревевшемуся сыну, бро-

сив на ходу:

– Подожди, я сейчас!

Петр чувствовал, что его бесплодный пока визит к соседке затянулся и лучше бы ему вернуться домой, пока не поздно. Но какая-то сила буквально пригвоздила его к дивану: он не хотел уйти вот так, впустую. Тем более, что возрожденная с помощью Тамары готовность его продолжала оставаться на высоком уровне.

И когда Тамара, наконец, вернулась, он откинул простыню, демонстрируя эту готовность. Та хихикнула:

– Вижу, вижу!..

И сама оседлала его. И у них получилось! Почти. Потому что спустя пару минут раздалась трель дверного звонка. В ушах Петра она прозвучала как грохочущая очередь крупнокалиберного пулемета, и он даже не заметил, как с перепугу с такой силой толкнул с себя Тома, что та шлепнулась на пол и громко выругалась:

– Ты что, совсем одурел со страху, козел?

– Так звонят же! – свирепо прошипел Петр, возя руками по дивану. – Где тут мои штаны были?

– Да пусть хоть зазвонятся, я никому не открою, – попыталась было успокоить его Тома, вставая с пола и вновь устраиваясь на диване.

Но Петра уже буквально колотило, и он трясущимися руками натягивал одну штанину сразу на обе ноги.

– Я тебя прошу – посмотри в глазок, кто там, не Ленка

моя?

– Ой, трус-то како-ой! – насмешливо протянула Тома. – И чего я только на тебя глаз положила, спрашивается...

Но к двери пошла, наверное, специально при этом повиливая круглой попой. Петр, глядя ей вслед, с сожалением отметил: «Эх, блин, какая фигурка. Какая фигурка, а!?».

Справившись, наконец, со штанами, он заспешил в прихожую.

– Ну, кто там?

– Да никого, – оторвалась от глазка Тома. – Может, соседка моя, Петровна, была? Она как поддаст, так обязательно шляется по подъезду, ищет собеседников.

– А ну-ка...

Петр нагнулся, заглянул в глазок. На площадке, во всяком случае, в поле его зрения, действительно никого не было. А любвеобильная Тома в это время прильнула к Петру сзади, запустила бессовестную руку ему в штаны.

– Ты что, уже оделся? – жарко прошептала она. – Нет, так дело не пойдет. А ну, марш на диван! Я еще не все сказала...

Но перенервничавший и перетрухнувший Петр понимал: ничего у него сегодня больше не получится. И ему надо молить Бога, чтобы домашние не обнаружили его отсутствия, хотя прошло уже – о, черт! – почти час!

– Извини, Тома, – проникновенно сказал он, мягко извлекая ее шаловливую ручку из своих штанов. – Давай в следующий раз, ладно?

– А следующего раза может не быть!

В голосе Томи прозвучали одновременно и горечь, и обида. Но Петр уже не слушал ее, а еще раз взглянув в глазок, щелкнул задвижкой и вышел на площадку, прислушался. Вроде тихо. И он на цыпочках стал подниматься по лестнице.

– Эй!

Петр испуганно обернулся.

– Тапочки свои забери, альфонс недоделанный!

Из полуоткрытой двери высунулась белая рука с зажатыми в ней тапками и швырнула их на площадку. Пластиковые тапки упали на бетон с дробным костяным стуком. Петр зажмурил глаза. Но в подъезде по-прежнему царила тишина.

Петр подобрал тапки и, держа их в руке, продолжил восхождение на свой этаж в носках. Остановившись перед дверью, он перевел дыхание, прислушался. Нет, дома у него все спокойно. Уф, пронесло, отсутствие Петра, похоже, так и осталось незамеченным – его девочки продолжали безмятежно спать.

Сунув ноги в тапки и на всякий случай вытащив из кармана сигареты со спичками и держа их перед собой (да вот, покурить выходил!), Петр уверенно потянул дверь на себя. Она открылась и неожиданно с негромким лязгом застыла. Цепочка!

Кто-то запер дверь изнутри на цепочку. Не дочка же. Значит, Лена. Не нашла его ни в подъезде, ни у подъезда, и за-

крылась. Но не совсем, а на цепочку. Вот и понимай это, как хочешь: вроде бы дверь в дом и не совсем заперта, и в то же время войти невозможно. Блин, все у этих баб с какими-то вывертами!

Петр даже вспотел от нервного напряжения. Что делать? Позвонить? Или потихоньку через щель позвать жену? Так она может такой тарарам устроить, что весь подъезд проснется и с интересом будет вслушиваться в бесплатный концерт.

Нет уж, такого удовольствия он никому не доставит! И Петр, запустив свою длинную худую кисть в дверной зазор, стал нашаривать конец цепочки, чтобы выдернуть ее из паза и распахнуть дверь.

Но цепочка была короткой – Петр специально сам выбирал такую, чтобы никто, ни с короткими, ни с длинными руками, не смог проникнуть в их жилище, когда они спят с приоткрытой для сквозняка дверью в летние душные ночи.

Из-за узкого зазора рука его не могла выгнуться под нужным углом и зацепить цепную задвижку. Петр и сопел, и кряхтел, но у него ничего не получалось. И от неожиданности он даже слегка присел, когда вдруг услышал негромкий, но ядовитый голос Лены:

– Может, помочь?

Петр совладал с собой и с напускным раздражением сказал:

– Ты зачем закрылась? Я ж покурить выходил...

И продемонстрировал половинке бледного лица жены с

одним рассерженно блестящим карим глазом в узком дверном проеме сигареты и спички.

– А ну дыхни!

– Чего? – не понял Петр. – Ты думаешь, что я пил где-то? Так на, нюхай!

И с силой выдохнул под нос Лены.

– Да, не пил, – согласилась она. – Но и не курил. Табаком от тебя не пахнет. Зато воняет чужими духами. И я, кажется, знаю, чьими...

– Да что ты знаешь, что ты знаешь, – торопливо забормотал Петр. – Я точно курил на улице. Но потом у меня голова заболела, и я решил прогуляться вокруг дома. По свежему воздуху. Зато сейчас голова не болит. Ну,пусти меня, Лена!

– Не болит? – спокойно переспросила Лена. – Зато сейчас заболит!

В дверную щель вдруг просунулся зачехленный зонт, загнутой массивной рукояткой вперед, и ошеломленный Петр не успел отклониться. В подъезде раздался громкий деревянный щелчок – Лена угодила мужу точно в лоб.

– Иди туда, откуда пришел! – гневно прошипела она, втягивая зонт обратно. – Привет передавай от меня этой сучке Томе. С ней я завтра разберусь. А ты пошел вон, кобель!

И дверь с треском захлопнулась. Ошеломленный Петр застыл на месте как столб, потирая ушибленный и начавший распухать лоб. Потом разозлился и с силой нажал на кнопку звонка, не отнимая от него онемевшего пальца, пока дверь

опять не раскрылась – так же на ширину цепочки.

– Я сказала тебе – не пушу! – опять яростно сверкнула одним глазом в дверной зазор Лена. – Нам предатель не нужен!

– Да что ты такое говоришь, Леночка! – заканючил Петр. – Не был я ни у кого! И вообще – не имеешь права меня не пускать, я тут прописан!

– Ах, ты тут прописан! – зашлась от злости Лена. – А чья это квартира, тебе напомнить?

Да, квартиру пять лет назад получила жена, работающая бухгалтером в ПМК. До этого они мучились в малосемейке. Но он же действительно здесь прописан. И они, как бы там ни было, семья...

Однако Лена была непреклонна. Она была до глубины души оскорблена изменой мужа и не собиралась его прощать.

– Иди, иди давай отсюда, туда, откуда пришел! – настойчиво повторяла она, уже начиная заливаться слезами.

– Мама, мама, что случилось?

Это проснулась дочь и вышла к матери в прихожую. Лена еще раз с ненавистью сверкнула глазом и захлопнула дверь. Слышно было, как она, всхлипывая, говорила дочери приглушенным голосом: «Ничего, доча, ничего не случилось. Это тебе показалось. Идем спать ко мне...»

Петр впал в прострацию. Вот так номер! Сходил, что называется, на блядки! Как же он, дурак, мог забыть народную мудрость «Не живи, где...» Или наоборот: «Не..., где живешь». А теперь что делать?

«А-а! Раз она меня отправила к Томе, то и пойду к ней опять! – с отчаянием подумал он. – А если Ленка и в самом деле попрет меня, то хоть буду знать, за что...»

Он быстро сбежал на первый этаж, позвонил в Томкину дверь. Она не открывала. Петр снова надавил на кнопку. Наконец, дверь распахнулась, и так же, как давеча у него дома, на ширину дверной цепочки.

У Тома цепочка была длиннее, и потому Петр видел все ее искаженное злостью лицо, а не половинку, как у своей жены.

– Иди отсюда, казанова сраный! – свистящим шепотом сказала Тамара. – Я все слышала. Попробуй только признать-ся жене, что был у меня! Понял?

– Да понял, понял, – упавшим голосом сказал Петр.

– Ну и спокойной вам ночи! – хмыкнула Тома, и тоже захлопнула дверь.

И Петр поплелся наверх. Может, пустит его Ленка? Жена же, как-никак. Пока еще...

Роман с Юриком

Ольга Андреевна в полном одиночестве – а впрочем, с кем же еще, если она была одинокой женщиной? – в субботу пила свой ритуальный предобеденный чай на кухне, когда до ее слуха донесся невообразимый, хотя и приглушенный, гвалт. Шумели, по всему, на площадке.

Ольга Андреевна весело удивилась: «Ну, надо же, день еще только начинается, но зато как!». Она могла бы продолжить пить свой чай, гвалт этот ей особенно не мешал. А если добавить громкости работающему на холодильнике телевизору, то этого утреннего скандала и вообще могло быть не слышно.

Но Ольга Андреевна, как истинная женщина, напротив, убавила звук телевизора и осторожно вышла в прихожую, выглянула в дверной глазок. Уж так устроены женщины, что им крайне необходимо знать, где скандалят, если где-то скандалят, и из-за чего скандалят. Хотя в данном случае Ольга Андреевна, даже не прибегая к дверному глазку, сто-процентно была уверена, что гвалт подняли живущие напротив ее квартиры супруги Шишаковы. Потому что скандалили они с пугающей регулярностью, и оставалось только удивляться, как они друг друга до сих пор не поубивали.

Когда Ольга Андреевна приникла к дверному глазку, то увидела: точно, галдят Шишаковы. Причем глава семейства

Шишаковых Юрик – его только так и звали во всем доме, несмотря на сорокалетнийслишним возраст, – находился на лестничной площадке, в обычных своих надутых на коленях трениках, в потрепанной футболке и в стоптанных тапках. А жена его Натаха была в квартире.

И вот Юрик рвался домой, и один из стоптанных его тапков был уже почти там, вернее – в дверном проеме. Ну, а Натаха не пускала его и выпинавала Юриков тапок своей мощной ступней в вязаном носке. И ей, дородной тете, оборону держать удавалось куда лучше, чем тощему Юрику взять приступом родные пенаты.

– Уходи, козел! Уходи туда, откуда пришел! – толстым басом кричала Натаха.

– Пусти меня домой, Натаха! – фальцетом верещал в ответ Юирк. – Пусти, сука, а то убью!

– Кто, ты? Заморыш! – демонически хохотала Натаха. – Да если захочу, шею тебе сломаю, шпендик! Иди, откуда пришел! Иди к своей Ирке!

– Да из гаража я пришел! – плачуще кричал Юрик, бия себя в грудь. – У Олега в гараже был! Мотоцикл мы ему ремонтировали! Какая там, на фиг, Ирка?

Но Натахе удалось окончательно выдавить Юрикову ногу с его же законной жилплощади. Дверь мстительно захлопнулась перед самым его носом, и он остался на площадке один.

– Вот сука, а? – потерянно бормотал Юрик, озираясь по сторонам – не видит ли кто его позора. Но на площадке сто-

яла тишина. То ли никого по причине выходного дома не было, то ли соседи также деликатно, как Ольга Андреевна, топтались у дверных глазков.

Ольга Андреевна жалостливо вздохнула при виде того, как сиротливо Юрий прислонился спиной к стене у своей двери и о чем-то глубоко задумался.

«А ведь мог бы уйти опять в гараж, где он, похоже, до этого выпивал с Олегом. С этим, наверное, который в соседнем подъезде живет. Но ведь не уходит. Домой вон рвется. Кушать, наверное, хочет, бедный. Какая там могла быть закуска в гараже? А эта мегера его не пускает», – с сочувствием думала Ольга Андреевна, не отрываясь от глазка.

Она немного знала Юрика. Он был мастеровитым парнем и даже несколько раз помог одинокой соседке – отремонтировал как-то утюг по ее просьбе, потом – протекающий кран, как-то даже сумел заставить заработать замолчавший кухонный телевизор. Ну, а взамен мог обойтись и простым «спасибо», хотя Ольга Андреевна всегда честно давала ему немного денег за выполненную работу. Натаха, кстати, знала о том, что Юрий иногда приходит на помощь одинокой соседке, но ничего против этого не имела. Ольгу Андреевну она в расчет как женщину не брала: та была и старше Натахи, и внешность, на ее взгляд, имела самую заурядную.

В общем, вполне безобидный был человек Юрий, и руки у него росли, откуда надо. Ну, выпивал, правда, да кто у нас не пьет? Но Натаха гнобила его вовсе не за этот рядовой, в

общем-то, мужской грех, а жутко его ревновала. Причем не просто ревновала, а адресно – к первой жене Юрика, Ирине, которая когда-то была подругой Натахи, и у которой Натаха и отбила с десяток лет назад Юрика.

Ирина жила в доме напротив, замуж так больше и не вышла, и это очень бесило Натаху. Она думала, что Ирина ждет, когда Юрий вернется к ней обратно, и в очередном пароксизме ревности сама же и гнала Юрика к Ирине. Обо всем этом Юрий как-то горестно поведал Ольге Андреевне в порыве откровенности, когда перепайвал ей штеккер к телевизионному кабелю.

– Натаха, ну пусти домой, жрать же хочется, – снова заскребся в дверь Юрий. Но закусившая удила Натаха молчала где-то там, в глубине квартиры.

И тогда, буквально исходившая жалостью к Юрику, Ольга Андреевна решилась и открыла свою дверь.

– Юрий, – негромко сказала она. – Если хотите, зайдите ко мне...

– Чего еще? – недовольно буркнул Юрий. Похоже, он застеснялся того, что соседка, видимо, слышала весь этот скандал. Впрочем, то, как они орали пять минут назад, должен был слышать весь подъезд их старой пятиэтажки.

– Я говорю, вы не посмотрите мой электрочайник? – сменив тактику, извиняющимся тоном сказала Ольга Андреевна.

– Чайник? Это можно, – степенно ответил Юрий. Еще раз

покосившись на свою дверь, он вошел в соседскую прихожую и прошел вслед за Ольгой Андреевной на кухню. Там он потрогал синий пластиковый бок чайника, с удивлением посмотрел на Ольгу Андреевну – чайник был еще горячим, – надавил пальцем на клавишу включателя. Чайник тут же зашумел.

– Так он у вас рабочий, – с недоумением сказал Юрик.

– Странный какой-то, – округлила глаза Ольга Андреевна. – То работает, то не работает. Что-то, наверное, у него там заедает.

– Так давайте вылейте из него воду, я разберу и посмотрю, – вздохнув, сказал Юрик. – Время у меня есть.

– Может, пока он горячий, чаю попьем? – неуверенно предложила Ольга Андреевна. – Я еще и сама не пила. С бутербродами, а?

– Чаю? Да можно, – безо всякого энтузиазма сказал Юрик, усаживаясь за стол. И чуть поколебавшись, застенчиво спросил:

– А нет у вас чего покрепче, Ольга Андреевна? Уж извините.

– Покрепче? Нету, – с сожалением сказала Ольга Андреевна. И внезапно оживилась, что-то вспомнив. – А шампанское пойдет? С нового года осталась бутылка.

– Шампанское? Не люблю я его вообще-то, – огорчился Юрик. – Хотя ладно, тащите свое шампанское.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.